

31
A2

Весь огромный пропагандистский аппарат гибнущего капитализма направлен в наши дни на борьбу против марксизма-ленинизма "Виды и формы буржуазной идеологии, методы и средства обмана трудящихся мисгообразны. Но суть их одна - защита отживающего капиталистического строя". (Программа КПСС. М. Госполитиздат, 1961, стр. 53).

Социология познания принадлежит к числу дисциплин возникших специально для борьбы с марксизмом.

Возникшая как самостоятельная дисциплина в двадцатых годах нашего века, в качестве одного из проявлений идейной реакции на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, социология познания стала одним из модных направлений буржуазной общественной науки. Социологи познания, анализируют с идеалистических и антикоммунистических позиций социальную природу познания. Именно это обеспечило их дисциплине популярность среди реакционных буржуазных ученых и политиков.

В наш век, когда особенно отчетливо видна роль идей в борьбе классов, невозможно отрицать, что человеческое познание является общественным по своей природе. Концепция субъекта познания как одинокого искателя истины оказалась бессильной объяснить явления современной идейной жизни. Общество как действующая социальная система неудержимо ворвалось в построения гносеологов. И для того, чтобы противостоять марксизму, который еще в сороковых годах прошлого века заложил основы для научного решения проблемы "знание и общество", буржуазные ученые создали социологию познания.

Социология познания тесно связана и с практикой бур-

236133

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

жуазной политики и пропаганды. В ее рамках разрабатываются методы оценки воздействия пропагандистского материала на аудиторию, отыскиваются способы анализа мнений масс и воздействия на эти мнения через гигантскую систему пропагандистских средств. Для исследований подобного рода отпускаются немалые средства монополиями и капиталистическим государством, прежде всего в США.

Все эти факты говорят о том, как важно для борьбы против современного антикоммунизма изучить современную буржуазную социологию познания. Между тем, в советской философской литературе почти совершенно нет работ, посвященных критическому анализу этой дисциплины. В двух интересных статьях польского философа А. Шаффа (См. "Вопросы философии" № 6 1956 г. и "Коммунист" № 9 1955 г.) рассматриваются лишь взгляды одного из основателей социологии познания Карла Мангейма. Небольшой объем этих статей не позволил автору обстоятельно разобрать взгляды Мангейма. К тому же направление, представленное этим последним, далеко не охватывает всей социологии познания. Статья Ф. Адлера в переведенном с английского языка сборнике "Современная социологическая террия" под редакцией Г. Беккера и А. Боскова (ИЛ. Москва, 1961 г.) написана с антимарксистских позиций.

Настоящая диссертация представляет собой попытку до известной степени восполнить пробел в нашей философской литературе и, изложив некоторые концепции, характерные для позиций важнейших представителей социологии познания, подвергнуть их теоретические взгляды критическому разбору.

В представлениях современных "социологов познания"

причудливо сплелись элементы различных идеалистических гносеологических учений и социологических теорий. В целом внутри данной дисциплины можно, однако, выделить две группы концепций. Представители первой группы рассматривают общество как своего рода внешнюю сферу, внутри которой разворачивается деятельность познающего субъекта, как "социальную среду" знания. Представители второй признают внутреннюю социальную детерминированность знаний, но при этом отождествляют общество с "группой", которой непосредственно принадлежит данный индивид и которая предписывает ему основные формы мышления. В диссертации рассматриваются оба эти направления.

Основы обоих направлений были созданы преимущественно в 20-30 годах нашего века. В произведениях современных социологов познания воззрения основателей подвергаются дальнейшей разработке. Поэтому для лучшего понимания предмета в диссертации рассмотрены, наряду с современными работами, также и более ранние. Были использованы труды основателей данной дисциплины: Дюркгейма, Ерузалема, Шелера, Мангейма. Работы Мертсона, Сорокина, Старка, Макэ, Горовица и некоторых других дают представление о современных воззрениях социологов познания.

В основу критики положены труды классиков марксизма-ленинизма, Программа КПСС и другие партийные документы. Именно в них содержатся положения, представляющие собой исходный пункт для критического разбора взглядов теоретиков социологии познания.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении излагается предмет социологии познания и ее сфера. Предлагаемые рядом авторов дефиниции своей дисциплины трактуют социологию познания как науку о влиянии различных социальных и культурных факторов на познание.

При этом социологи познания по существу воздеиствие общества на познание понимают как воздеиствие внешнего для познания фактора. В их дефинициях речь идет о воздеиствии социальных факторов на уже ставшее знание. Сам процесс познания толкуется как функция одиночки. Социологи познания предлагают, однако, учесть влияние на познающего субъекта — одиночку того общества, в котором он живет. Таким образом, социальное предстает как внешняя для познания сфера. Между тем, марксисты исходят из противоположной предпосылки. Они считают, что социальное имманентно знанию.

Толкование социальной сферы как внешней по отношению к познанию, в социологии познания проявляется в усиливающемся противопоставлении этой дисциплины теории познания и философии в целом. Если основатели социологии познания (в первую очередь Макс Шелер) подчеркивали неразрывную связь гносеологии и социологии познания, то современные авторы в большинстве своем ее решительно отрицают. (Например Горовиц в США и Гурвич во Франции).

Отвергая гносеологию, социологи познания избавляют себя от необходимости высказываться по вопросам истинности знаний и превращают социологию познания в чисто описательную дисциплину. Подобный подход представляет собой немалые выгоды для современной буржуазии. Он дает возможность пользоваться любыми, в том числе ложными и реакционными теориями

для обоснования своего господства.

Описательство доводится до логического конца "американской школой" в социологии познания. Переплыв Атлантику, социология познания превратилась в "теорию массовых коммуникаций", занятую исследованием мнений различных социальных групп, а также средств пропаганды и рекламы, позволяющих формировать эти мнения. При такой трактовке метода основной проблемой научного исследования становится эмпирическая достоверность.

Но именно вследствие ползучего эмпиризма американские социологи познания оказались не в силах получить адекватную картину идейной жизни общества. Закрыв себе пути, ведущие от поверхности фактов вглубь, к сущности, они потеряли возможность добиться той самой достоверности, во имя которой ринулись в бой с теорией.

Голый эмпиризм, захлестывающий социологию познания, делает ее теоретически бесплодной и лишает возможности выполнять основной социальный заказ буржуазии: противодействовать марксизму. Поэтому в наше время нарождается в среде самих социологов познания протест против поверхностного описательства. Он нашел свое выражение в выступлении Д.Драйсдела на У.Всемирном социологическом конгрессе. Драйсдел, признавая, что социология познания мертва в Соединенных Штатах, призвал к созданию теоретической надстройки в виде "метасоциологии познания".

Уже анализ определений предмета и сферы социологии познания позволяет сделать вывод, об идеалистической направленности этой дисциплины. А сойти с зыбкой почвы идеализма

социологи познания не могут из-за буржуазной классовой позиции и антимарксизма.

Подлинно научное решение вопросов поставленных в социологии познания, (социальная природа категорий и логических законов и т.п.) возможно только в рамках диалектико-материалистической гносеологии. С другой стороны, теоретический и эмпирический анализ наличного состояния общественного сознания, принадлежит к сфере социологии. В ее границах они могут составить особую область (наряду с промышленной социологией или социологией семьи, города и им подобным), для которой название социология познания будет в принципе удачным. Отсюда вытекает положение диссертации о неизбежности разделения социологии познания в ее современной форме.

Цель первой главы диссертации - дать представление об основополагающих категориях социологии познания: общества, знания и идеологии этого общества.

Рассуждая об обществе, социологи познания отказываются признать объективную основу общественного развития: производство материальных благ. В их теориях мотивами деятельности человека выступают биологические "импульсы" (Шелер), коллективное бессознательное (Маннгейм) и другие идеалистически толкуемые факторы. Результат такого подхода - идеалистические представления об обществе. В основе этих взглядов лежит концепция "социальных слоев" как групп, созданных переменным рядом многосторонних факторов. Исходя из этого, социологи познания говорят о социальной стратификации как конгломерате групп, образованных по равным основаниям.

Воззрения этих групп признаются равноправными с точки зрения

социальной значимости. Влияние каждой из них на познание толкуется как равносильное. Основным фактором, соединяющим людей в группу, оказывается фактор духовный: осознание своей общности, либо одинаковость воззрений.

Такое толкование общества составляет базу и для всякого рода политических спекуляций. Исходя из того, что не у каждого члена класса, в том числе и рабочего класса, наличествует сформировавшееся классовое сознание, появляется возможность ставить под сомнение само существование рабочего класса в том смысле, как оно понимается марксистами.

Идеалистически определяя природу общества, социологи познания ошибочно толкуют и другую важнейшую категорию своей дисциплины - понятие идеологии.

Исходным пунктом рассуждений социологов познания является принципиальное противопоставление идеологии истинному мировоззрению Идеология, а с ней и вся социальная наука, прямо противопоставляется естествознанию, объявляется не истинным знанием, а мнением отражающим своекорыстные интересы данной группы. Идеология из-за того, что она отражает интересы класса, якобы всегда намеренно или ненамеренно искажена и по своему существу приравнивается ко лжи.

Рассуждения социологов познания о ложности всякой идеологии имеют не столько научный, сколько явный политический смысл. Если толковать идеологию в духе социологов познания, то идеология пролетариата представляющая собой научное, истинное мировоззрение тоже может быть объявлена ложным сознанием.

Идеология, с точки зрения марксизма, должна рассматри-

ваться как систематическое осмысление интересов, целей и задач класса как элемента определенной социальной структуры. Эти интересы, цели и задачи вытекают из объективного положения данного класса в обществе, которое в свою очередь обусловлено состоянием производительных сил и производственных отношений. Экономические отношения составляют объективную основу идейной жизни, определяя как адекватные, так и иллюзорные системы взглядов.

Всякий класс заинтересован в существовании определенного типа социальной системы. За исключением научной идеологии рабочего класса, ядро всякой классовой идеологии составляет более или менее иллюзорная, а поскольку речь идет о будущем и утопическая, схема исторического процесса, завершающегося созданием оптимальной с позиций данного класса общественной системы. Важнейшей целью класса является осуществление целей, выдвинутых в идеологии. Для этого класс нуждается в поддержке или хотя бы нейтралитете других социальных групп. Поэтому-то идеология эксплуататорских классов обычно выступает прикрывшись общечеловеческими одеждами. Будучи, по своей сути, утопией одного класса, она приписывает себе общегуманистическое значение.

В действительности ход общественного прогресса и интересы человечества явления объективные. Следовательно, оттого, насколько прогноз будет соответствовать закономерности исторического развития, а также от того, в какой мере социальный идеал класса совпадает с общечеловеческим, зависят степень истинности данной идеологии. Поэтому-то теория марксизма-ленинизма, отражающая объективно существующие

законы социального развития и научно предсказывающая пути создания общества, отвечающего интересам абсолютного большинства человечества, представляет собой истинную идеологию. Данный в ней прогноз развития человечества, опирается на научное понимание общественного прогресса и, поэтому, представляет собой не социальную утопию, но научное предвидение. В истинности теоретических обобщений — сила нашей идеологии, залог ее победы.

Вторая глава посвящена критике "контекстуалистского" направления социологии познания, то есть направления, понимающего общество, как внешнюю среду, воздействующую на ставшее знание, приобретенное человеком, понимаемым как биологическое существо. При этом отрицается какая бы то ни было внутренняя имманентная социальная детерминированность знания.

При таком подходе общество неизбежно превращается в "совокупность факторов", оказывающих лишь внешнее влияние на процесс познания, протекающий в личности. Воздействие общества на индивида уподобляется воздействиям природы на организм человека и ставится в один ряд с последними.

Это направление представляет собой попытку соединить социальные факторы с теорией абсолютной истины. Истина понимается как некая особая сфера, определяемая своими законами, принципиально отличными от законов реального мира. Поэтому никакое влияние на нее со стороны общества невозможно. Предмет социологии познания оказывается вне сферы собственно знания. Социология познания в этом случае становится теорией взаимодействия общества и знания. Она откровенно признает

свой индетерминистский характер.

В качестве примера такого типа социологии познания разбирается теория Макса Шелера. Видный представитель феноменологической школы, испытавший на себе сильное влияние "философии жизни" и, через нее и определенное воздействие прагматизма, Шелер внес в социологию познания эти разноречивые тенденции.

В его теории истина (вместе со всей проблемой содержания знаний) вынесена за скобки социологии познания.

Познающий человек сам по себе никакого социального влияния не испытывает — общество может воздействовать только на процесс распространения знаний. Последователи Макса Шелера считают, что знание вырабатывается элитой общества. Познавательная деятельность этой элиты направляется присущей ее представителям особой импульсной структурой, то есть в конечном счете биологическим фактором.

Социальные институты способствуют или препятствуют различным струям, потокам знания распространяться от элиты к массе. Структура общества определяет также форму, в которой существует независимо от общества сложившееся содержание знаний.

Зависимость содержания знаний от общества для Шелера в принципе невозможна, так как в соответствии с установками феноменологической школы немецкий философ считает идеальное и реальное двумя совершенно независимыми рядами факторов, нигде не соприкасающихся. Поэтому реальное может только отбирать какую-то часть сферы идеального.

В результате, социология познания Макса Шелера превра-

щается по существу в теорию распространения знаний.

Неокантианское направление представлено Александром фон Шельтингом и Вернером Старком. И тот и другой считают себя продолжателями Макса Вебера и видят свою задачу в приложении идей этого последнего к социологии познания.

Основная цель Шельтинга и состоит в том, чтобы показать, что социальное не может влиять на истину и поэтому предметом социологии познания не может быть познание как таковое.

Английский профессор Вернер Старк пытается, исходя из неокантианских предпосылок, дать позитивное решение проблем социологии познания.

С точки зрения Старка, истина едина. Однако общество способно увидеть только один аспект этой истины. Часть истины, которую будет обозревать социальная группа, определяется, по Старку, некими априорными схемами, системами понятий, организующими чувственное восприятие. Но в отличие от правоверных неокантианцев Старк рассматривает человека как члена общества и считает, что априорные категории порождены социальной жизнью. Он определяет их как "социальное априори" и понимает его как аксиологическую систему ценностей общества. Такие аксиологические системы различны в разных социальных группах. Поэтому, всякое общество обладает только одной частью истины.

Свою теорию сосуществования разных аспектов единой истины английский социолог познания противопоставляет прежде всего марксизму. С его точки зрения, научный коммунизм, объявив мировоззрение пролетариата единственно истинным подходом к миру, устанавливает некую абсолютную систему оценок,

исключающую свою теорию из ведения общих законов познания. А это, по мнению Старка, делает теорию Маркса неверной.

Конечно, подобные рассуждения английского профессора несостоятельны. Марксизм опирается на истинное понимание законов природы и общества. Поэтому он представляет собой единственное подлинно научное мировоззрение.

Своеобразное преломление "контекстуалистская" теория получила в концепции Питирима Сорокина.

У Сорокина общество на каждом этапе своего развития обладает одним аспектом абсолютной истины. Отбор из хаоса действительности осуществляется через некие предустановленные принципы или большие посылки, определяющие лицо всякой культуры. Сорокин именует их "культурными умонастроениями".

Вся духовная история человечества есть, по Сорокину, вечные непрерывные колебания, флуктуации культур, определяемых различными "умонастроениями".

Умонастроение, при котором реальным считается сверхчувственный мир, окружающая действительность представляется видимостью, а нужды людей в первую очередь рассматриваются как духовные, Сорокин именует идеациональным.

Идеациональному умонастроению в схеме Сорокина противостоит сенситивное. В культуре, исходящей из такой большой посылки, чувственный мир вещей понимается как подлинная реальность, а нужды определяются физическими потребностями человека.

Промежуточное культурное умонастроение Сорокин называет идеалистическим. Реальность понимается в таком типе

культуры как нечто многостороннее, включающее в себя и вечное бытие и вечное становление, духовное и материальное. Цели такой культуры опять-таки смешанные, но преобладают все же духовные запросы.

Никакой связи между общественным бытием и сменой "умонастроений" Сорокин не видит. Нет в его теории и признания того, что какой-то класс является носителем определенного умонастроения. Сторонников каждого умонастроения он видит во всех социальных прослойках.

Сорокин пытается подтвердить свою теорию количественным анализом истории познания.

Исходя из явно субъективных критериев (например, был ли мыслитель создателем законченной системы, основал ли он школу). Сорокин выставляет всем философам отметки по двенадцатибалльной системе: Ошибочный критерий дает ложные результаты. Оценивая соответствующие теории истины Сорокин ставит, например, Канту и Фоме Аквинскому по двенадцать баллов - высшую отметку, а Гегелю только восемь. Столько же выделено Марксу - наравне с Игнатием Лойолой и меньше, чем Платону. При этом Сорокин произвольно распределяет мыслителей по разным умонастроениям. Поэтому, суммируя их оценки, он получает желательный вывод - картину господства идеализма в духовной истории человечества.

Наше время Сорокин считает периодом сенситивной культуры, то есть, иными словами, порой господства материализма (причем материализм он приравнивает к позитивизму). Но он предсказывает скорый конец этой эпохе, как бы утешая рас-

строенного революционной эпохой буржуа.

Материалы главы позволяют подтвердить вывод, что "контекстуалистское" направление помещает познание вне сферы социального и социальное вне сферы познания.

Еще классики марксизма доказали ошибочность подобных толкований. Для марксиста положение о том, что сознание имеет общественный характер означает, что социальные моменты имманентны как процессу познания, так и знанию — конечному результату этого процесса.

Это вытекает прежде всего из действительной природы человеческого познания. Его основой является не пассивное созерцание, и не процесс биологического приспособления к среде; люди приобретают знание о мире в ходе своей активной, прежде всего производственной деятельности.

Именно данные производственной деятельностью предметы, выступают как исходный материал познания, как явления, от которых наука начинает свое движение к познанию сущности.

Марксисты, считают, что человеческое знание уже в самых простейших, изначальных формах, представляет собой общественный продукт. Диалектико-материалистической теории познания чужда представление о том, что знание сперва появляется независимо от общества в голове индивида (будь то и результате предшествующего биологического приспособления к миру, будь то в качестве божественного дара) и лишь затем подвергается внешнему воздействию "социальной среды". Тем самым марксистская философия подразумевает, в самой истине содержится социальный аспект, ибо достигнутый уровень развития знания (научно, художественно, обыденно) широты и

глубины проникновения его в природу вещей зависят от развития общества. Проблема категорий, логических законов и аксиом, проблема понятия в целом, не могут быть адекватно поняты без учета определяющей роли общества в познании, в первую очередь роли общественного производства, без учета сущности человека как социального существа.

Рассматриваемое нами направление в социологии познания отказывается от такого способа изучения истины. Тем самым оно оказывается не в силах разрешить проблему социальной природы знания, на что его представители претендуют.

В третьей главе анализируется второе главное направление в социологии познаний, которое может быть условно названо "групповым". Это направление пытается преодолеть барьер, перед которым остановились "контекстуалисты" и найти связь социальных факторов с содержанием знаний. Но общество при этом трактуется как группа в составе которой действует субъект.

Гносеологическую основу подобной трактовки социального надо искать в бихевиоризме с его представлениями о знании, как функции поведения человека в процессе приспособления к окружающей среде. Различие между социологами познания и "чистыми" бихевиористами и прагматистами состоит в том, что социологи познания заменяют одиночку группой и процесс приспособления к сфере понимают как деятельность этой группы.

Основателем того направления является основоположник социологического подхода к познанию, известный французский социолог Эмиль Дюркгейм.

Французский социолог выдвинул положение, что логические формы суть перенесения на предметный мир организационных форм первобытного племени. Так, логическую классификацию он считал применением ко всей вселенной родовой структуры первобытного коллектива. Группа выступает у Дюркгейма не просто как образец логической классификации, но как ее создатель. В вещах, по мнению французского социолога, не содержится ничего, что могло бы служить основанием классификации. Коллектив приносит в природу свои организационные формы и превращает их в логическую классификацию.

Происхождение категорий Дюркгейм связывает с деятельностью племени. Но под этой деятельностью он понимает религиозную жизнь первобытных людей. Ритуальные потребности вызывают, по мнению данного автора, необходимость в измерении времени, пространства, порождают представление о причине и т.п. И опять-таки, в природе французский социолог не видит объективной реальности, стоящей за категориями. Например, время для него всего лишь абстракция процессов измерения.

Работы Дюркгейма заложили фундамент для релятивизма в социологии познания. Из его концепций логически следует вывод, что каждая группа, чья деятельность и организация имеют специфические особенности, обладает свойственной только ей классификацией, вкладывает свое содержание в категории и т.п. Причем все эти взгляды придется признать истиной, ибо они вытекают из деятельности данной группы.

Групповая теория получила свою законченную форму в работах известного немецкого социолога Карла Маннгейма.

Маннгейм выступает как представитель "историцизма", предлагая рассматривать истину как вечно движущуюся и из-

меняющуюся

Такая постановка вопроса могла бы быть плодотворной, если бы интересующий нас автор считал эту изменяющуюся истину отражением реальности. Но он не видит этого. Для него истина формируется деятельностью группы. В зависимости от своих целей и ожиданий группа формирует определенные понятия, исключая для своих членов все прочие, не попавшие в содержание понятия, аспекты вещей.

Таким образом, содержание знания оказывается зависимым от общества. Но при этом теряется основополагающее различие истины и заблуждения.

Действительно, раз картина мира всего лишь функция деятельности группы, и складывающегося на этой основе наличного понимания ситуации, раз цели и задачи у разных групп различные, то каждый коллектив с полным правом может считать свою систему взглядов истинной. Нет смысла спорить об истинности воззрения группы - надо только установить связь тех или иных высказываний с групповым мышлением.

На место оценки истинности и ложности идей Маннгейм ставит реляционизм, под которым он разумеет ограничение значимости каждого высказывания рамками определенной модели мышления, свойственной группе.

С точки зрения реляционизма, место оценки истинности должна занять так называемая "индивидуализация", то есть определение, какой группе принадлежит данная идея. Ничего большего социологический подход к познанию, по Маннгейму, не предполагает. Всякая система групповых воззрений становится равноправной с любой другой. Она имеет значение только

в пределах определенной системы аксиом, составляющих основание "группового сознания".

Перед нами явный релятивизм, причем релятивизм особого рода, который можно было бы назвать "социологическим релятивизмом". Сущность его в том, что равноправие истин связывается с наличием в обществе разных групп. Не свойства одного индивида, а деятельность группы, согласно теории Майннгейма, порождают релятивность в познании.

Подобные рассуждения релятивистов подвергаются в диссертации критике, как теоретически несостоятельные. Релятивисты не хотят видеть, что в социальной жизни, как и во всей реальности, существует независимая от человека основа: ее составляет необходимость производить материальные блага. Способ производства материальных благ определяет характер общества. Поэтому наши знания о социальной действительности не могут быть произвольной конструкцией. Либо в них отражена объективная социальная реальность, либо перед нами просто заблуждение, которое должно быть отвергнуто. Конечно, наши знания представляют собой на каждом историческом этапе относительную истину. Но в ней всегда присутствуют зерна истины абсолютной. Поэтому об абсолютной релятивности в социальных науках не может быть и речи.

Неистинна и в целом вся "групповая" теория в социологии познания. Само по себе отождествление общественного сознания с наличием сознанием группы ошибочно. В нем стирается различие между знанием и мнением. Подлинным сознанием группы не могут быть те мнения, которые в ней наличествуют в каждый данный момент. Интересы любой социальной группы, например, класса, как основного элемента социальной структуры,

определяются объективно существующим его местом в обществе, в первую очередь отношением к средствам производства. Оно порождает независимо от познания существующие интересы, цели и задачи класса. Среди людей, принадлежащих к одному и тому же классу, могут существовать различные точки зрения на социальную действительность, порою даже противоречащие объективно детерминированным интересам класса в целом. Следовательно, мы не имеем права называть всякие взгляды, имеющие хождение в данной социальной группе, даже если они господствуют в ней в какой-то момент, ее подлинным сознанием. Оно выражено только в идеологии, которая представляет собой систематическое осмысление объективно существующих интересов, целей и задач класса, в его качестве класса как элемента данной социальной структуры.

Разработка такой системы идей может быть только делом теоретиков, имеющих достаточную подготовку, материальные и интеллектуальные возможности. Они обязательно встанут на сторону данного класса, хотя они не обязательно, как это показал К. Маркс еще в "Восемнадцатом Бримера Луи Бонапарта", должны принадлежать к нему.

Конечно, идеологами познается на уровне теории та же реальность, которая порождает явления, противостоящие знающему с идеологией члену класса в процессе повседневной жизни, и диктует, как некая неосознанная сила, определенную линию поведения, стремления, моральные нормы. Действительность поэтому, делает членов класса более восприимчивыми к своей идеологии, чем представителей других социальных

группы. Например, стихийное стремление к социализму всегда было присуще промышленному пролетариату. Поэтому он сравнительно быстро усвоил марксистскую теорию. Тем не менее, не бывает так, чтобы большинство данного класса сразу приняло воззрение своих идеологов. Для завоевания умов тех людей, чьи подлинные интересы они выразили, идеологам требуются известное время и немалые усилия. Так, на известных исторических этапах может создаться парадоксальное, на первый взгляд, положение, когда носителем классового сознания выступает меньшинство класса (а зачастую и люди, вообще не принадлежащие к данному классу), а убеждения большинства членов данного класса противоречат классовому сознанию. Поэтому для того, чтобы разработать идеологию рабочего класса Марксу и Энгельсу надо было отрешиться не только от буржуазных предрассудков, которыми была заражена, например, немецкая революционно-демократическая интеллигенция, но и от взглядов, бытовавших тогда в среде рабочего класса.

Эти факты дают возможность отвергнуть толкование детерминизма в области социальной мысли как жесткой связи мышления человека с группой. Причинно-следственную связь применительно к общественному сознанию (как, впрочем и во всех сферах реальности) нельзя понимать механистически. Сам по себе факт принадлежности человека к группе еще не означает, что он фатально обречен мыслить именно так, как мыслит в данный момент данная группа. Быть детерминистом значит считать, что общественное сознание через различные посредствующие звенья обусловлено экономическими отношениями, господствующими на данном историческом этапе. Они выступают как объективный фактор, обуславливающий и адекватные и иллюзорные системы взглядов.

В заключении делается общий вывод о том, что ни одна из систем современной буржуазной социологии познания не смогла предложить решение проблемы связи социального и истинного. Либо они оставляют истину за пределами своей дисциплины, либо вообще отказываются от понятия истины, впадая в релятивизм. Тем самым социология познания превращается в теоретическое обоснование антикоммунистической идеи сосуществования идеологий. Если речь идет о системах, призывающих истину абсолютной, то они считают всякое конкретное общество обладающим одним из аспектов общей истины, либо в равной мере искажающим эту истину. Релятивисты признают всякую систему имеющей равные права на значимость. В том и в другом случае получается одинаковый результат.

Диссертация не претендует на всестороннее решение проблемы соотношения социального и истинного, но все же в ней высказывается предложение о путях, на которых можно искать решение. Таким направлений намечается два.

Первое из них лежит в области гносеологии. Оно состоит в выяснении конкретных социальных обстоятельств, приведших к формированию понятий, категорий и логических законов. На всяком конкретном этапе исторического развития деятельность общества выявляет какие-то объективно существующие сущностные свойства предметов и процессов и фиксирует их в понятиях. В этом смысле содержание суммы истин, составляющее духовное богатство человечества оказывается зависимым от социальных факторов.

Другое направление состоит в выяснении факторов, определяющих в какой мере тот или иной класс способен создать

в своей идеологии адекватный прогноз хода исторического процесса. Таким классом является только пролетариат, поэтому лишь его идеология и представляет собой истину.

Основное содержание настоящей диссертации опубликовано в статьях "Критика теоретических основ современной "социологии познания" /журнал "Вопросы философии" № 3, 1964 год - I авт.лист/ и "Критика идеалистической концепции идеологии в "социологии познания". /журнал "Философские науки" № 2 1964 г. - 3/4 авт.листа). Находится в производстве статья "Социология познания - орудие антикоммунизма" (I авт.лист). (Сборник "Против империалистической идеологии антикоммунизма" Издательство МГУ, выходит в 1964 г.)